

Обстригать это дело, было, что называется, раз плюнуть. Группа во главе с профессором Функом выезжала на поиски почти каждый день, пропадая в окрестных горах с раннего утра и до вечера, оставляя в лагере всего одного, максимум двух человек, справиться с которыми не составляло никакого труда: оружия у них не было, да и будь оно у этих ребят, Панина это всё равно не остановило бы. Они были учёными, экзобиологами, и хотя по роду работы иметь дело со смертоносными железяками им всё же приходилось, вряд ли они смогли оказать ему достойный отпор. Тут он был на голову выше их всех, вместе взятых. Охранно-защитной системы в лагере тоже не было. Здесь, на этой мёртвой планете, она была совершенно лишней вещью, и, видимо, Функ решил, что устанавливать её — пустая трата сил и времени. С одной стороны, он был прав, но упустил одну существенную деталь: помимо животных, на планете могли оказаться и разумные двуногие, которых очень интересовала собранная им коллекция. Эта была его ошибка. За которую ему теперь придётся расплачиваться.

Даже и не думая прятаться, Панин спокойно подрулил на своём вездеходе к центральному куполу лагеря, так, словно приехал к себе домой. На шум двигателя из купола выскочил человек в простом рабочем комбинезоне и тут же упал, сражённый выстрелом из парализатора. Панин оттащил обмякшее тело в сторону и нырнул в купол. Кроме этого бедолаги, сегодня в лагере больше никого не должно было остаться, и через несколько секунд Панин убедился, что так оно и есть. Закончив осмотр, он забрался в хранилище.

Там на специально подготовленных для них стеллажах лежали яйца. Панин уже видел их, на фотографиях, но сейчас, стоя перед коллекцией Функа, у него зарябило в глазах. Зойт был прав: это были удивительной красоты штуки. Каждое величиной с футбольный мяч, идеально круглые и все-все совершенно разные. Каких их тут только не было! Начиная от совершенно чёрных в жёлтую крапинку, до перламутровобелых с затейливым розовым узором. Яйца были гладкие, точно отполиро-

Благоприятные условия

Андрей АНИСИМОВ

ванные и как будто бы даже светились изнутри. В них словно ещё теплилась жизнь, но это только казалось. Они все как один были мёртвыми, окаменевшими и уже как минимум несколько десятков, а то и сотен тысяч лет. Существа, когда-то отложившие их, давным-давно вымерли, как и вся другая фауна и флора на этой богом забытой планете. Остались только кислород да вот эти вот яйца, зародыши, так никогда и не вылупившиеся. Сейчас они представляли собой просто необыкновенно красивые и редкие вещицы. А потому и очень дорогие.

Панину пришлось сделать не меньше двух дюжины рейсов, чтобы перетащить их все. Яиц было шестьдесят восемь штук. Весили они немного, так что Панин просто складывал их в мешок, сколько уместится, и тащил его к вездеходу. Это отняло у него с полчаса. Загрузив последнюю партию, он проверил пульс у сражённого дежурного по лагерю, запрыгнул в вездеход и поехал к спрятанному за ближайшей грядой кораблю.

Он не торопился. Функ не вернётся раньше вечера, а дежурный будет ещё как минимум два часа в отключке. Он сможет спокойно взлететь, совершить «нырок» и к тому времени, когда оставленный в лагере человек начнёт

только приходить в себя, уже повидается с заказчиком и передаст ему груз. В обмен на солидную сумму, разумеется.

Накрытый куполом маскировочных полей, корабль казался каменистым холмом. Сняв поля, Панин закатил вездеход в трюм, поднял аппарель и уселся в пилотское кресло. Яйца он оставил в вездеходе и, взлетая, подумал, что несколько штук хорошо бы оставить себе. На память. Уж больно занятные они, эти яйца! Зойт говорил, что их примерно шесть десятков, но пока Панин готовился к этому делу, Функ нашёл ещё несколько. Эти можно было прикарманить. Хотя, с другой стороны, оставить что-то у себя, значило оставить улики. Поддавшись этой слабости, можно было и попасться. Чёрт с ними! Пускай Зойт забирает все!

Выйдя за пределы атмосферы, Панин задал автопилоту курс и, развалясь в кресле, принялся строить планы.

Куш, который он сорвёт за эту маленькую операцию, обеспечит ему безбедное существование не на один год, даст возможность поправить дела и даже побездельничать. Всё, что пока у него было, — так это его корабль, в покупку и оснащение которого он вбухал бешеные деньги, в долги залез. Но это себя окупило. Желающих воспользоваться услугами специалиста по разного рода авантюрам было немало, вот только со временем это начало надоедать. Прыжки от планеты к планете, разнообразие миров и прочее уже потеряло прежнюю романтическую прелесть, хотелось покоя и более размеренного образа жизни. Да и обосноваться где-нибудь на твёрдой почве тоже не мешало. Дом с садом цветущей вереники, на тихой планете — вот как раз то, что ему надо.

Панин улыбнулся, представив себе эту картину. Что ж, если всё пройдет удачно, его мечты в ближайшее время станут реальностью.

Автопилот пискнул и сообщил, что цель «нырка» достигнута. Панин выпрямился и, положив руки на манипуляторы, принялся следить за приближающейся планетой. Оставалось сделать совсем немного: сесть в указанном месте, поменять груз на звонкую монету и слить отсюда, пока патруль не вышел на

этот мир по оставленному его кораблём ионному следу. После этого его уж точно не найдут. На Харуте полно космопортов, с которых ежедневно стартуют тьма кораблей. Так что его стартовый след просто сольётся с массой других. Идентифицировать их невозможно. Это вам не отпечатки пальцев.

Панин начал насвистывать что-то легкомысленное, нацеливая корабль по лучу радиомаяка на нужную ему площадку, как вдруг далеко позади, в кормовом трюме, что-то хрустнуло. Продолжая насвистывать, Панин внёс небольшую поправку в курс, а в это время в корме снова захрустело, и куда громче. Оборвав свист, Панин, недоумённо обернувшись, прислушиваясь к этим звукам. Теперь в корме захрустело ещё сильнее. Казалось, кто-то топчет там еловые шишки.

Чертыхнувшись, Панин выскочил из кресла и метнулся в корму. Заглянув в трюм, он встал, как вкопанный.

Сложенные в вездеходе яйца лопались одно за другим. По их изумительно гладким поверхностям змеились трещины, из которых наружу пёрло что-то похожее на сосульки тёмного стекла. На глазах у изумлённого Панина, они начали быстро вытягиваться, достигнув едва ли не полуметровой длины, завершив рост зубастым воронкообразным расширением. Сами яйца при этом почти полностью исчезали: теперь вместо них, в центре каждого такого ежа было что-то ажурное, как тело радиоларии.

Трансформируясь и увеличиваясь в размерах, эти невероятные существа выталкивали друг дружку из вездехода, и рядом с машиной вскоре уже копошилась чуть ли не половина того, что он вынес из хранилища. Окончательно сформировавшись, эти твари покатались к Панину.

Вытаращив глаза, Панин смотрел, как они приближаются всё ближе и ближе, совершенно обалдевший от увиденного. Это было немислимо! Просто невозможно! Яйца были мёртвыми, это стало ясно после первых же находок. Ничего органического в них уже давно не было: только толстая скорлупа с необычайно красивым и никогда не повторяющимся рисунком и очень необычной структурой. А внутри пустота. Пустой красочный каменный шар. И вдруг такое!

Это было столь же дико и нелепо, как проросшее пушечное ядро.

И, тем не менее, именно это сейчас и происходило.

— Что такое, — пробормотал Панин, невольно пятясь. — Что за чертовщина!

Стуча, как бильярдные шары, твари переваливались через борт вездехода, пополняя скребущуюся на полу массу тускло поблескивающих, переплетённых друг с другом лучей и ажурных сфер. Те, кто выбирались-таки из этой мешанины, тоже катились к выходу из трюма, жадно раскрывая зубастые раструбы на концах лучей.

— Но-но! — грозно прикрикнул на них Панин, выхватывая пистолет.

Первую тварь, подкатившую к нему слишком близко, он разнёс вдребезги одним выстрелом. Впечатление было такое, словно он угодил в огромную ёлочную игрушку или вазу: тварь просто рассыпалась на куски, оставшись лежать грудой сверкающих черепков. И — ни капли крови. Панин ожидал увидеть хоть что-то, заменяющее столь жизненно важную жидкость, однако в этой куче обломков её не было ни капли. Это был, скорее, какой-то механизм, а не живое существо.

Топча останки своего собрата, твари кинулись в атаку уже целой гурьбой, толкаясь и мешая друг дружке. Панин принялся палить, стараясь не задеть что-нибудь из корабельной начинки. Твари лезли сплошным валом, не страшась ни выстрелов, ни участи, которая постигала соседей. Кормовой отсек теперь был заполнен ими полностью, и если б не узость прохода, они накрыли бы его, как волна цунами.

Панин успел расстрелять девять штук, когда пистолет его, клацнув затвором, выплюнул последнюю стреляную гильзу и замолчал. Чертыхнувшись, Панин быстрым тренированным движением сменил обойму, но и её хватило всего на несколько секунд. Твари продолжали напирать, хищно сверкая острыми, как бритвы, кремнёвыми челюстями.

Бросив бесполезный пистолет, Панин метнулся к оружейной стойке, но за те мгновения, которые потребовались ему для того, чтобы привести в боевое состояние мощное лучевое ружьё, лавина тварей успела преодолеть проход и широким валом вывалилась в центральную секцию корабля.

Испутив боевой клич, Панин направил на прущую орду ствол своей пушки, и тут же едва не выронил её, закричав от боли. В правый бок словно вогнали раскалённый прут. Боковым зрением Панин успел увидеть, как один из зубастых лучей выдернул у него клоч комбинезона вместе с куском его тела. И ещё несколько было готово проделать то же самое.

Панин ударил по ним прикладом ружья и вслед за этим выстрелил, почти наугад. Рядом что-то полыхнуло, разбрасывая дымящиеся куски. Завоная горелой изоляцией, но Панин не обратил на это никакого внимания. Он отчаянно отбивался от лезущих через друг дружку тварей, стреляя и молотя прикладом налево и направо, и всё равно бессильный сдерживать их. Зубастые лучи то и дело впивались в него, рвали на части; комбинезон его весь покрылся дырами и пятнами крови, а нападающие продолжали отрывать от него кусок за куском.

Изрыгая ругательства, Панин отступал и отступал под напором неорганической плоти, пока не очутился в кабине управления. Дальше отходить было уже некуда.

Упёршись спиной в спинку пилотского кресла, Панин предпринял отчаянную попытку контратаки, но та захлебнулась, не успев и начаться. Произведённый со слишком близкого расстояния выстрел ослепил его самого, опалив при этом лицо. Он заматал головой, всего на миг ослабив сопротивление, ничего не видя из-за прыгающих перед глазами зайчиков, и тут же поплатился за это. С десяток лучей немедленно впивались в него, точно стая пираний. Перекатившись через авангард наступающих, твари обрушились на него сверху, подминая под себя обезумевшего от боли и отчаяния человека.

Последнее, что он увидел, — переплетение лучей над ним, и чёрная тень, мелькнувшая за бортом. Потом наступила тьма.

***

Выкарабкиваясь из мрака оказалось очень больно. Он двигался к мерцавшему где-то невероятно далеко свету, чувствуя себя так, словно полз по трубе, сплошь усаженной иглами. Но усилия не прошли даром: свет стал

ближе и ярче. Панин открыл глаза и обвёл взглядом окружающее его пространство.

Он лежал в небольшой белой комнате, без окон, с квадратной световой панелью в потолке. Рядом громоздился какой-то диковинный аппарат, от которого к нему тянулись толстые косички трубок и проводов. Кроме аппарата, были ещё закрытая дверь и стул. На стуле сидел человек.

Панин заморгал, пытаясь вспомнить, где он его видел, а потом сообразил. Профессор Функ!

— Вы меня слышите? — спросил Функ, увидев, что Панин открыл глаза, и замахал ладонью перед его лицом. — Э-эй, вы видите меня?

— Да. — Панин попробовал пошевелиться и застонал. — О-ох, меня словно через мясорубку пропустили.

— А это и была мясорубка, дражайший грабитель, — заметил Функ. — Вы просто не представляете себе кровожадность этих существ. Ещё немного — и от вас не осталось бы даже костей. Скажите спасибо патрулю...

— Но это же мёртвые яйца! — простонал Панин. — Зойт говорил...

— Ваш заказчик — глупец, милейший, — прервал его Функ. — Да, первоначально мы действительно считали, что это — погибшее потомство некогда обитавших на той планете зверей. И этот ваш Зойт даже не потрудился выяснить, что мы узнали в дальнейшем. Грязный собиратель редкостей! Кстати, не удивляйтесь, что я знаю о нём. Он уже давно проявлял интерес к

моим изысканиям, но я никогда не думал, что он пойдёт на такое... А потом вы сами упомянули его, когда находились в беспамятстве. Под воздействием стимулирующей аппаратуры многие начинают разговаривать... Так вот, он и представить себе не мог, что было бы, окажись у этих зародышей более медленная реакция на биополя.

— На что?

— Биополя, — повторил Функ. — Яйца, которые вы выкрали, на самом деле не были пустыми. Это мы выяснили совсем недавно. Их оболочка, скорлупа этих яиц, на самом деле не скорлупа — это и есть зародыш, причём зародыш особой неорганической формы жизни, которая начинает пробуждаться только при особых, благоприятных для неё условиях. Когда-то на той планете кишмя кишела жизнь, но потом что-то произошло, и планета стала мёртвой. Последние представители этой уникальной формы жизни успели отложить энное количество кладок, которые так и остались в виде яиц, ожидая своего часа.

— Не понимаю, — промолвил Панин. — При чём тут биополя?

— Условие для начала процесса — биополя, указывающие на наличие органической жизни.

— Почему?

— Пища, — лаконично ответил Функ. — Пока их не было, яйца оставались яйцами. Биополя, которые излучал мой организм, и организмы моих помощников были слишком слабы, чтобы запустить механизм их роста. Биополя

должны были быть сильными, указывая на то, что мир снова полон жизни и есть на кого охотиться. Поэтому когда ваш корабль с грузом зародышей оказался возле Харута...

— Они начали... вылупляться!

Профессор кивнул.

— Харут — живая планета. И биосфера богатая, и людей полно. Аура биополей вокруг неё — мощнейшая. По этой самой причине мы и не вывозили пока яйца с той планеты. Рядом с большим скоплением органики им не место. Это необходимое, непреложное условие для их размножения. И начало проблем для тех, кто окажется рядом. — Функ встал. — Вот и всё, что я хотел вам сказать.

— Минуточку, профессор, — остановил его Панин приподнимая голову. — А что будет со мной?

— Лично я к вам ничего не имею, хотя вы и уничтожили всё собранное нами за несколько лет. А вот Межпланетная Служба Безопасности хочет упрятать вас подальше. За попытку незаконного ввоза опасных инопланетных существ. И, насколько я знаю, за вами числятся ещё немало... гм, разных подвигов.

Панин бессильно откинулся на подушку и скрипнул зубами.

— Какой срок вам грозит, сказать не могу, — донёсся до него голос Функа, — но меня заверили, что вам это пойдёт только на пользу. Тюремные психологи и психокорректоры знают своё дело. Говорят, в изоляционных зонах исключительно благоприятные условия... для морального выздоровления. тм